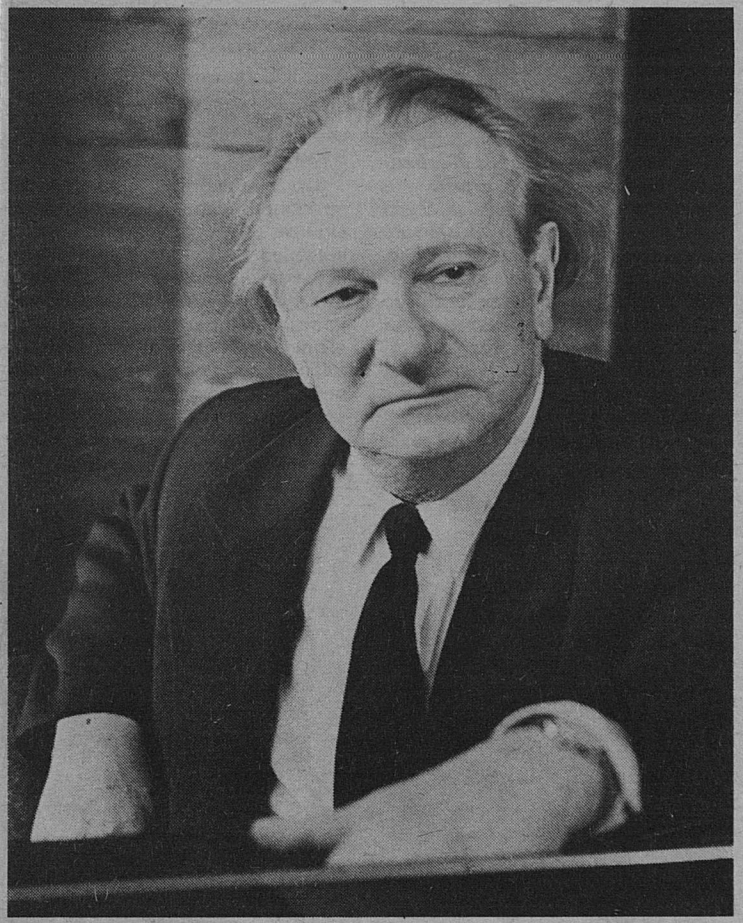
9 ОКТ 1979

ГОЛОС РИГИ
г. Рига

9 октября 1979 года

Вечный диалог: РОДИНА И Я



Чужой глаз еще не касался партитуры, она принадлежит еще всецело Янису Иванову. Он обычно прячется за вежливой отговоркой или очень туманно дает понять возможность появления новой работы. Испытываешь странное, удивительное чувство, когда в консерватории, в бывшем классе Язепа Витола профессор Янис Иванов кладет на стол довольно толстую стопку тщательно и четко исписанных карандашом листов партитуры. Рука не поднимается прикоснуться к ней, пока автор сам не перевернул первого листа. Девятнадцатая симфония...

Полтора года напряженной работы мысли, полтора года устремлений найти ту самую ясную, самую понятную и простую тропу, по которой можно провести слушателя по звучащей Галактике, где Человек разговаривает со своей Родиной. Не так, как некогда в симфонии «Латгалия» (в Шестой), — с глубоким восхищением красотой природы, чистотой человеческих сердец и суровостью истории. Теперь взор устремился в более далекие, необъятные просторы. Родной край получил другое осмысление, — философское, точнее — эстетическое в самом обобщенном и благородном смысле этого слова. В будущем году Советской Латвии — сорок. Янис Иванов решил высказаться по случаю этого юбилея и от себя лично. И вот перед нами звучащее повествование автора, которое длится более получаса.

Чем крупнее творческое произведение, тем больше в нем благоговения перед другими. Так и с Янисом Ивановым, который не может жить без ощущения присутствия высокого духа, без наблюдения за сегодняшней жизнью человечества, без глубокого понимания самых важных процессов. «Хиндемит сказал: самая большая ошибка — вообразить, что ты создал нечто новое... Шенберг перед смертью признал, что еще мог бы в чистом До мажоре многое сказать, но он уже больше не успеет... Стравинский не отрицал, что в своей жизни многого достиг, но до Большой фуги Бетховена не поднялся», — такие параллели обычно проводит профессор. Он каждый миг — в своем труде, где стремился к большей простоте и ясности. При всем том в Девятнадцатой много мест, которые по сложности могут состязаться с прежними симфониями... Но все многообразие объединяет вечный диалог: Родина и я. Он присутствует и в главной теме первой части, которую исполняют фаготы, и в третьей медленной части, где валторны «переговариваются» со струнными, и в величественном финале симфонии. Как и прежде, Янис Иванов не навязывает слушателю концепцию своего сочинения, а дает свободу фантазии и мысли.

— Симфония должна быть по крайней мере трехчастной, но еще лучше — четырехчастной. Это признавали мастера, и это проверенная истина, — так Янис Иванов излагает свое кредо.

Его девятнадцатая — четырехчастный цикл, где четко проступают контуры классических форм и также ясно — присутствие личности Яниса Иванова и его Родины. Названия отдельных частей уже дают понять, на какую высокую ступень обобщения пытается автор поднять тему Родины и Человека. Так, например, первая часть озаглавлена «Сапиентиа», что означает — Мудрость. Имеется в виду и благородство души и большие знания, то есть это слово несет гораздо большую смысловую нагрузку.

Предшествовали длительные раздумья, когда нужно было определить место стремительной части, или Скерцо в симфонии. Ею стала вторая часть «Бонитас» — доброта. Крылатое слово. Отсюда эта налетающая тревога, это чувство подъема!

Третья, медленная часть «Алтернитас» — вечность, а финал «Магнитудо» — величие. Величие существования Родины. Финал начинают все деревянные духовые оркестра в унисон, и это не совсем обычное явление в симфонической музыке... Как и требование автора к свободному исполнению, а главное — к пониманию единого образа своей новой партитуры. Требование к интерпретатору и слушателю, который сумел бы, а главное хотел бы, слушая, подняться над повседневностью, над обыденностью, чтобы оказаться в большом мире естественной простоты и благородства, чтобы понять диалоги Родины и Человека.

В. Бриеде.